

А.И. Айбабин

РАННИЕ ХАЗАРСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В хазароведении одной из наиболее сложных и дискуссионных является проблема выявления археологических памятников, оставленных этническими хазарами во время завоевания Северного Причерноморья. Письменные источники весьма скудно информируют о хазарской экспансии в названные регионы. По рассказам Никифора и Феофана, после смерти Кубрата в годы правления Константа II (641–668 гг.) стараниями его сыновей Великая Булгария распалась на пять племен. Болгарские историки полагают, что Кубрат умер в 665 г. (Божилев, Димитров, 1995, с. 7–61). Один из сыновей Батбаян унаследовал со своим племенем пастбища в Восточном Приазовье и Северном Причерноморье. Вскоре после распада Великой Болгарии хазары “...из глубин Берзилии вторглись на земли сыновей Кубрата Батбаяна и Аспаруха и все селения за Понтом Эвксинским. Аспаруха хазары изгнали за Дунай (Чичуров 1980, 36/60, 37/61, 154/162). В более позднем источнике – Письме хазарского царя Иосифа сановнику халифа Омейядской Кордовы Хасдаю ибн Шафруту (905–975 гг.), сообщается об изгнании хазарами болгарских племен из степей Северного Причерноморья (Коковцев, 1932, 92). В составленной около 665 г. “Армянской географии” Анания Ширакаци рассказывается о разгроме орды Аспаруха, которая кочевала у Гиппийских или Булгарских гор — между “рукавом реки Танаис”, впадающим в Меотиду и местом где Волга поворачивает к востоку и образует реку семидесяти рукавов (Патканов, 1883, с. 28: Newsen, 1992, р. 48, 55, 93, 94, 110: Цукерман, 2001, с. 330). М.И. Артамонов отождествляет Гиппийские горы с Ергенями вместе со Ставропольской возвышенностью (Артамонов, 1962, с. 172). По мнению К. Цукермана, в тексте Ширакаци описаны не протоки дельты Волги, а притоки ее верховьев. Поэтому К. Цукерман помещает упомянутую Феофаном и Никифором Барсилию в Самарской Луке (Цукерман, 2001, с. 325–329). В таком случае хазары вторглись из региона, расположенного на 1000 км севернее традиционной локализации (рис. 1).

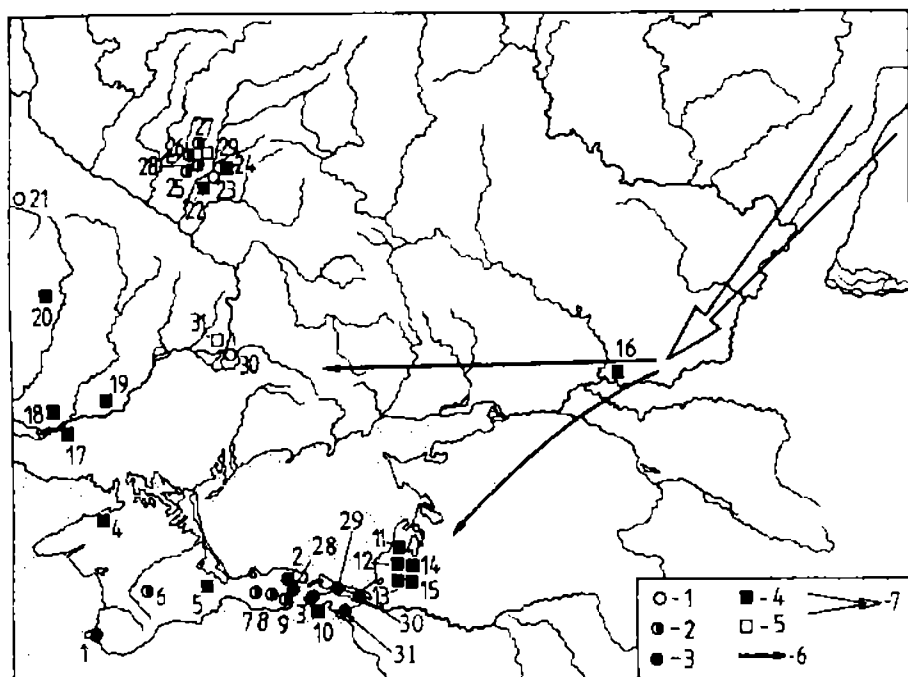

Рис. 1. Карта ранних хазарских памятников Северного Причерноморья

Условные обозначения:

1 — поминальные комплексы каганов; 2 — поселения и стойбища; 3 — города; 4 — погребения хазар; 5 — гончарные центры; 6, 7 — направления вторжения хазар Северное Причерноморье и Крым

1 — Херсон, 2 — Боспор, 3 — Тиритака, 4 — Портовое, 5 — Новопокровка, 6 — Тау-Кипчай, 7 — Пташкино, 8 — Илурад, 9 — Героевка, 10 — Михаэльсфельд, 11 — Малаи 1, курган 1; погребение 6, 12 — Чапаевский, 13 — Крупская, 14 — Калининская, 15 — Старонижне-стеблиевская 1, курган 8, погребение 1, 16 — Лимаровка, 17 — Келегеи, 18 — Белозерка, 19 — Костогрызово, 20 — Ясиново, 21 — Гладоссы, 22 — Новые Сенжары, 23 — Мала Перещепина, 24 — Макуховка, 25 — Полузье II, 26 — Белоконы, 27 — Лаврик, 28 — Чередники, 29 — Таранов Яр, 30 — Вознесенка, 31 — Канцирка, 32 — Патрей, 33 — Фанагория, 34 — Германаса-Таматарха.

В степях Северного Причерноморья выявлены одиночные могилы кочевников с труположениями и кремациями с конями, а также поминальные комплексы кочевнической знати. М.И. Артамонов объединил известные ему погребальные сооружения

кочевнической знати второй половины VII в. из Поднепровья в перещепинскую культуру, которая по его мнению возникла в регионе в результате вторжения хазар (Артамонов, 1970, с. 127). С ним согласились Б.И. Маршак, К.М. Скалон (Маршак, Скалон, 1972, с. 12). А.К. Амброз впервые интерпретировал богатые комплексы, выявленные в нижнем Поднепровье близ Малой Перещепины (рис. 1,23), Гладос (рис. 1,21) и Вознесенки (рис. 1,30), как поминальные комплексы знатных тюрков, обитавших в Северном Причерноморье со второй половине VII в. (Амброз, 1981, с. 20–22). По мнению И.Вернера, для этнической атрибуции перещепинского «клада» важны, входящие в его состав три золотых перстня монограммами Кубрата. По словам И. Вернера, в Перещепине около 650 г. погребли хана Великой Болгарии Куврата (Werner, 1984, S. 31, 32, 35, 36, 38–44, Taf. 32,1,2; Werner, 1992, S. 430–431, Abb. 1; 2). По мнению автора данной статьи, как погребения рядовых кочевников, так и поминальные комплексы в честь тюркской знати являются памятниками раннехазарской перещепинской археологической культуры. Изучение взаимовстречаемости инвентаря этих погребений с однотипными вещами из раскопанных в Крыму захоронений позволило датировать степные памятники последней четвертью VII – первой половиной VIII вв. (Айбабин, 1985, 202; 1999, 173–185). И.О. Гавритухин разделил памятники перещепинской культуры на две сменявшие друг друга кочевнические культуры. Раннюю культуру типа Перещепино он отнес ко второй трети VII в., а позднюю культуру типа Вознесенка – к последней трети того же столетия (Гавритухин, Обломский 1996, 89–92, 274, рис. 90). С конца 1980 - х гг. по настоящее время вышли десятки публикаций, авторы которых связывают памятники перещепинской культуры либо с хазарами, либо с болгарами. Их детальный историографический обзор представлен в публикациях Е.В. Круглова (Круглов, 2005, с. 427–451), А.В. Комара, А.И. Кубышева и Р.С. Орлова (Комар 2006, 9, 15; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 349–355).

Отнесенные к перещепинской культуре, выкопанные в уже существовавших курганах одиночные могилы кочевников открыты в низовьях Днепра и Буга, в степях Крыма и в Приазовье.

В могилах скелеты ориентированы черепом на северо-восток или восток. В мужских захоронениях находились скелет, или чучело, или череп коня и оружие. В подбойной могиле, раскопанной близ села Торговое (рис. 1,4) в кургане 12, на дне подбоя зачищен скелет

мужчины, у северо-восточного борта ямы — череп овцы, рядом со ступенькой — кости овцы, а на ступеньке — скелет лошади, ориентированный черепом на северо-восток. В могиле нашли железный меч, наконечники стрел, детали поясного набора и конской сбруи (Aibabin 2006, 49, Fig. 10). Подобный обряд зафиксирован в Костогрызово (рис. 1,19) и в Калининской (рис. 1,14) в кургане 10 (с чучелом коня). В Белозерке (рис. 1,18), Старонижнестеблиевской (рис. 1,15), Чапаевском (рис. 1,12), Калининской в кургане 30, и, вероятно, в Новых Сенжарах (рис. 1,22) чучело или скелеты коня и человека лежали рядом на дне широкой ямы (в Белозерке — под звериной шкурой). В некоторых названных могилах обнаружены также кости барана или коровы. Сейчас уже трудно установить тип захоронений с конем, разрушенных в Келегеях (рис. 1,17) и Ясиново (рис. 1,20) (Айбабин, 1985, с. 191–202, рис. 9; Айбабин 1999, с.173; Атавин, 1996, с. 208-209, рис. 4,8,12,23). В погребениях женщин отсутствовали конские кости. В Восточном Крыму в Новопокровке (рис. 1,5) могилу выкопали на территории заброшенного античного поселения. Скелет женщины ориентирован черепом на северо-восток. Под костяком прослежен древесный тлен от носилок или настила. Справа и слева от шейных позвонков лежали золотые височные подвески, украшенные зернью и вставками из красного, синего и зеленого стекла, в верхней части грудной клетки — золотая круглая бляха со вставками из алмадина и три янтарные бусины, у кисти левой руки — сломанное в древности бронзовое зеркало и пинцет, у кисти правой руки — череп, кости ног и ребра овцы или козы, на тазовых костях — железные нож и шило (Aibabin 2006, 49; fig. 11). Подобное погребение раскопано и в Восточном Приазовье у хутора Малаи (рис. 1,11) (Атавин, 1996, с. 209, табл. 20).

Дата совершения захоронений определяется по их инвентарю. Биметаллические наконечники ремня и бляшки из Портового и Белозерки состоят из литой серебряной основы с отверстиями, в которые припаяны золотые гнезда со вставками из коричневого стекла, окаймленные золотыми зернинками. Гнездами со стеклянными вставками, окаймленными напаянной зернью, декорированы накладки на поясные или сбруйные ремни из Крыма, хранящиеся в Британском музее в коллекции А.Л.Бертье-Делагарда, из Керчи, Херсонеса, Келегей, Перещепины (Айбабин, 1999, с. 176), из Венгрии (Тепе, Боча), Албании (Врап), Ирана (Werner, 1989, Taf. 14; 15; 19,1,3; 20,1), из аланских катакомб

Северного Кавказа (Верхняя Рутха, Кудентово) (Артамонов, 1962, с. 129). На серебряный наконечник ремня из кургана 30 из станицы Калининской напаяна тонкая золотая пластинка с зернью. Вещи с полихромными стеклянными вставками и зернью распространились во второй половине VII в. из Византии. В том же стиле украшены золотые височные подвески из Новопокровки. Подобные подвески извлечены из могил конца VII в., разрушенных в деревне Джигинское (Михаэльсфельд) на Черноморском побережье Прикубанья (Кондаков, 1896, с. 200–202, рис. 115–116) и в Уфе. В рассматриваемых захоронениях самыми поздними вещами являются: в Келегеях – золотые детали ножен меча, крест, полушаровидные гладкая и орнаментированные пальметой бляшки и серьга с выступом на кольце, серебряная и бронзовые пряжки с трапециевидной рамкой вариантов I-6 и II-6; в Новых Сенжарах – аналогичная серьга, трапециевидная пряжка варианта II-6; в Портовом и Чапаевском – пряжки с трапециевидной рамкой варианта I-8, типичные для крымских комплексов последней четверти VII и начала VIII в. (Айбабин, 1990, с. 49, 50, 55, рис. 2,162,169,170,174; 46,7,27; 51,50; Атавин, 1996, рис. 6,4). Имитации псевдопряжек из могилы у хутора Малаи близки найденной в Лучистом в верхнем слое в склепе 36 в последнем захоронении второй половины VII в (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 32; рис. 18,5; 35). В кургане 10 в Калининской найдены обломок железного стремени, узкие килевидные наконечники ремней и прорезная прямоугольная бляшка, характерные для конца VII – первой половины VIII в. (Амброз, 1981, рис. 4а,41; Айбабин, 1990, рис. 53,12–14; Айбабин 1999, табл. XXXII, 8; Атавин, 1996, рис. 9,1,2; 10,8; 11,7). Меч из Ясиново по форме узкого прямого двулезвийного клинка, выкованного вместе с ним асимметричного черенка рукояти аналогичен обнаруженным в аварских могилах конца VII в., в помещении начала VIII в. в Пенджикенте и на свалке VIII в. в Афрасиабе (Распопова, 1980, с. 78, рис. 49,2,3), в катакомбе IX в. в Дмитриевском (Плетнева, 1967, с. 157, 158, рис. 43,2). Комплекс из Ясиново по золотым серьгам с выступом на кольце, украшению в виде колесика, перстню, деталям поясного набора и железным стременам датируется первой половиной VIII в. (Айбабин, 1985, с. 196, рис. 1,2; 2,1–6,8,11,12).

Рассмотренные ориентированные на северо-восток и восток труположения с конем появились в степях Северного

Причерноморья в не раннее последней трети VII в. Они по конструкции и погребальному обряду близки раскопанным на Алтае, в Туве, в Восточном Казахстане и в других соседних регионах. Многие специалисты приписывают их тюркам-тугю (Спришевский, 1951, с. 33, рис. 1,3; Гаврилова, 1965, с. 58-60, 104-106, табл. XXXI; Вайнштейн, 1966, с. 334; Деревянко, 1978, с. 121; Кызласов, 1979, с. 121, 138. Худяков, 1980, с. 195, 201; Кубарев, 1981, с. 90, 91; Могильников, 1981, с. 31-33). По мнению А.К.Амброза, могилы всадников с взнузданными конями появились на Алтае в VII в. Подобные захоронения всадников VII – начала VIII вв. открыты на путях миграций хазар в Среднем (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 81–82, 171–172; Круглов 2005, 427–453) и Нижнем Поволжье (Амброз, 1981, рис. 1; 2).

Поминальные комплексы знатных кочевников выявлены в бассейнах рек Днепра – Малая Перещепина (рис. 1,23), Вознесенка (рис. 1,30), и Северного Буга – Гладоссы (рис. 1,21).

В Малой Перещепине (в 20 километрах от Полтавы) (рис. 1,23) в песчаной дюне, на глубине от 18 см до 1 м от поверхности песка в 1912 г. обнаружили вещи, лежавшие в пространстве около 1,5 м в поперечнике. Между предметами найдены сгнившие куски дубовых “дощатых брусьев” и остатки коричневой шелковой ткани. В отчете, представленном в комиссию, Н.Е.Макаренко писал об отсутствии на месте находки вещей каких-либо костей (Макаренко, 1912, с. 207-208). Через 51 год один из пастушков вдруг вспомнил о лежавших в 0,5 м от вещей в золе кусках черепа человека и чашечках голени (Залесская и др., 1997, с. 108). Однако, вряд ли его новый рассказ достоверен. Ведь через несколько дней после находки клада и пастушки, и их односельчане говорили о том, что они не обнаружили на месте находки вещей человеческие кости. В Эрмитаж поступили византийские серебряные и золотые блюдо с латинской надписью о его возобновлении епископом Патерном, занимавшим кафедру в первой четверти VI в. в г. Томи, патера и рукомойник, использовавшиеся для омовения рук архиерея, с клеймами 582–602 гг., блюдо с крестом, амфора (Залесская и др., 1997, кат. 1-5), бокалы, 70 золотых монет (одна из них, солид Ираклия, хранится в Полтавском музее) (Соколова, 1993, с. 146), золотые перстни с греческими монограммами Кубрата (Залесская и др., 1997, с. 42, 283, кат. 13-15; Werner, 1992, S. 429-431, Abb. 1; 2), пряжка и обоймица для обуви, пуговицы, 4 поясных набора

(от широкого ремня с большими пряжкой и наконечником, с псевдопряжками, с напаянной зернью, с геометрическими гнездами с инкрустацией) и серебряный поясной набор, золотые ножны меча аварского типа, серебряные ножны меча, более 200 бронзовых, плакированных золотой фольгой и декорированных зернью и инкрустацией цветным стеклом сбруйных блях, стеклянная рюмка, сасанидские серебряные блюдо со сценой охоты Шапура II и ваза, золотые блюдо, ваза и кувшин, согдийские золотые чаша, бокалы, обкладка кружки, детали седла и колчана, ножен меча и кинжалов, пряжка, аварские золотой ритон и серебряные стремяна, сделанные тюрками на Алтае, два серебряных и золотой кувшины, изготовленные по заказу тюрков в Северном Причерноморье золотые ложка, серьга с одетой на стержень бусиной из сапфира, три перстня со вставками из сапфира и тигрового глаза, гарнитур из гривны и двух браслетов со вставками из изумрудов, браслеты с утолщением, прямоугольные пластины, посох, пряжка и наконечник, меч с инкрустацией золотом, две серебряные подпружные пряжки, а также другие мелкие украшения одежды и сбруи. Общий вес золотых предметов более 21 кг.

Полная публикация всех находок вышла в 1997 г. (Залесская и др., 1997). В результате произведенного в Эрмитаже технологического и стилистического анализа вещей из Перещепины они разделены на шесть групп, каждую из которых в определенное время включили в состав комплекса (Залесская и др., 1997, с. 84). И. Вернер определял время совершения захоронения в Перещепине по монетам (Werner 1984, 17-18:39,40). Однако А.К. Амброз считал перещепинский комплекс типичным для конца VII – начала VIII в. (Амброз 1971, с. 116). По мнению З.А. Львовой и Б.И. Маршака, Перещепинский комплекс нельзя датировать по позднейшим монетам (640-е годы), хотя бы потому, что монеты попали к владельцу сокровища не в последний период. По их словам, поскольку, византийские монеты перестали поступать на Днепр с середины века, допустимо вслед за А.К. Амброзом отнести комплекс к последней четверти VII в. Кроме того, в недавней полной публикации погребения с однотипным инвентарем из Кунбабонь и Боца датируются временем после 670 года (Tóth, Horváth 1992, 215,218,219). Дата Перещепина никак не ранее даты этих комплексов (Залесская и др., 1997, с. 99).

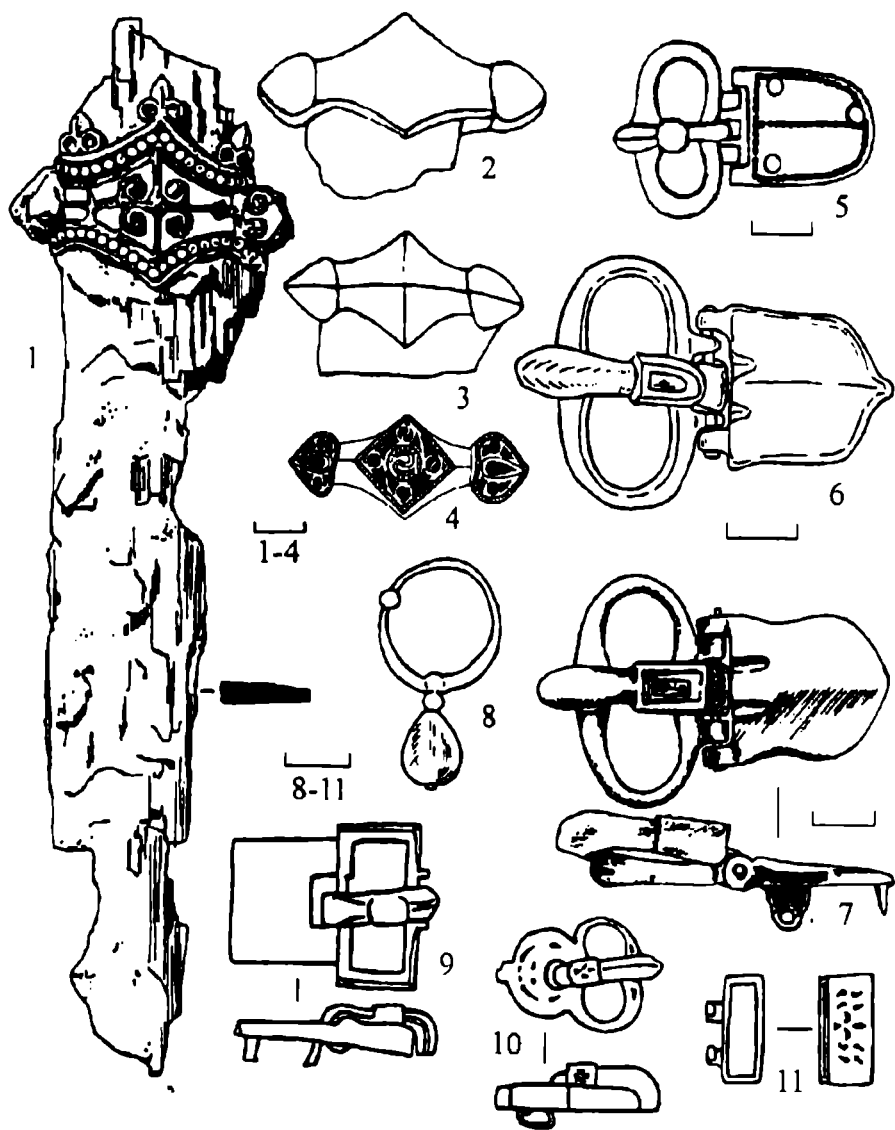

Рис. 2. Поздние вещи из Малой Перещепины (1,5,8-11) и аналогии из Вознесенки (2,3), Гладоссы (4), Ески-Кермен, склеп 257 (6), Шиловка, курган 1, (7)

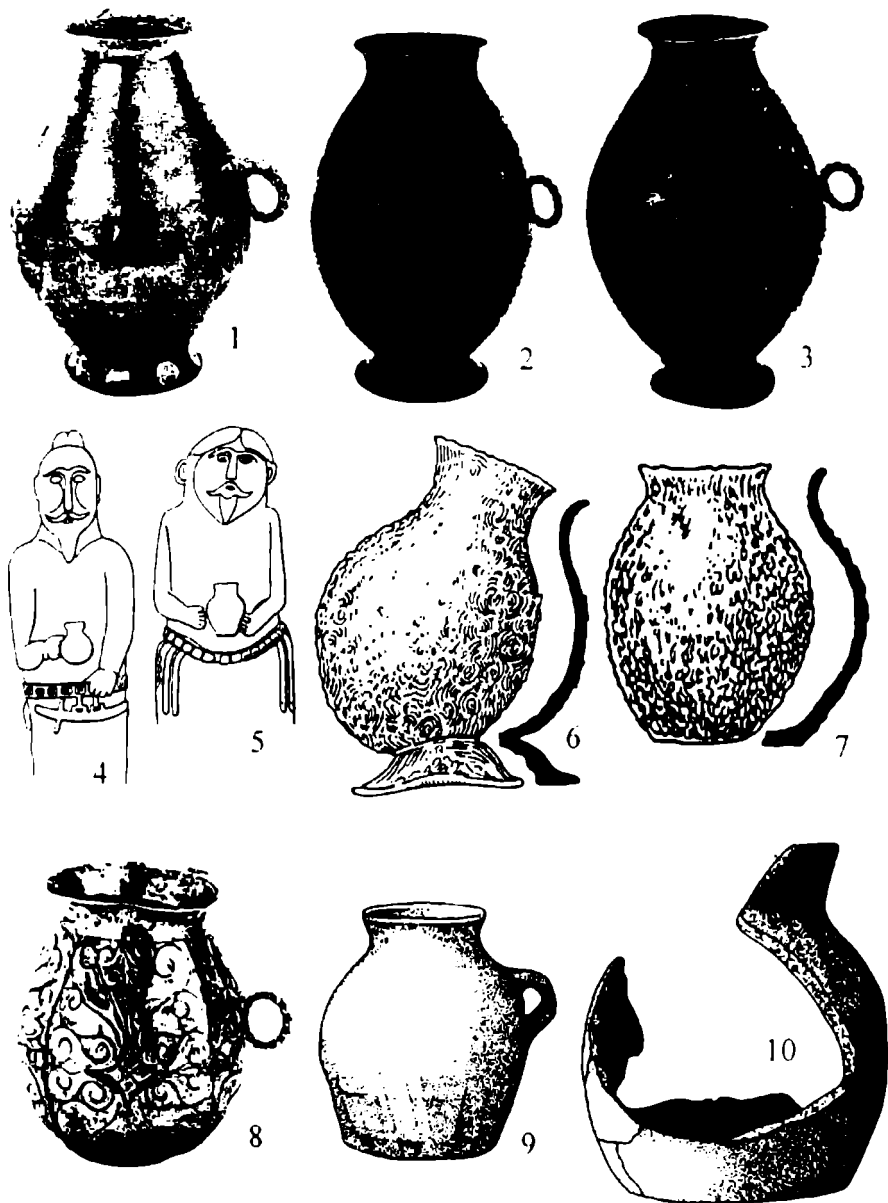

Рис. 3. Тюркские кувшины из (1–3,8) и аналогии: 4, 5 – каменные изваяния древних тюрков с изображением кувшинов (4 – Алтай, 5 – Тува), 6,7 – Кокэль, Тува, 9 – Ясиново, 10 – Канцирка

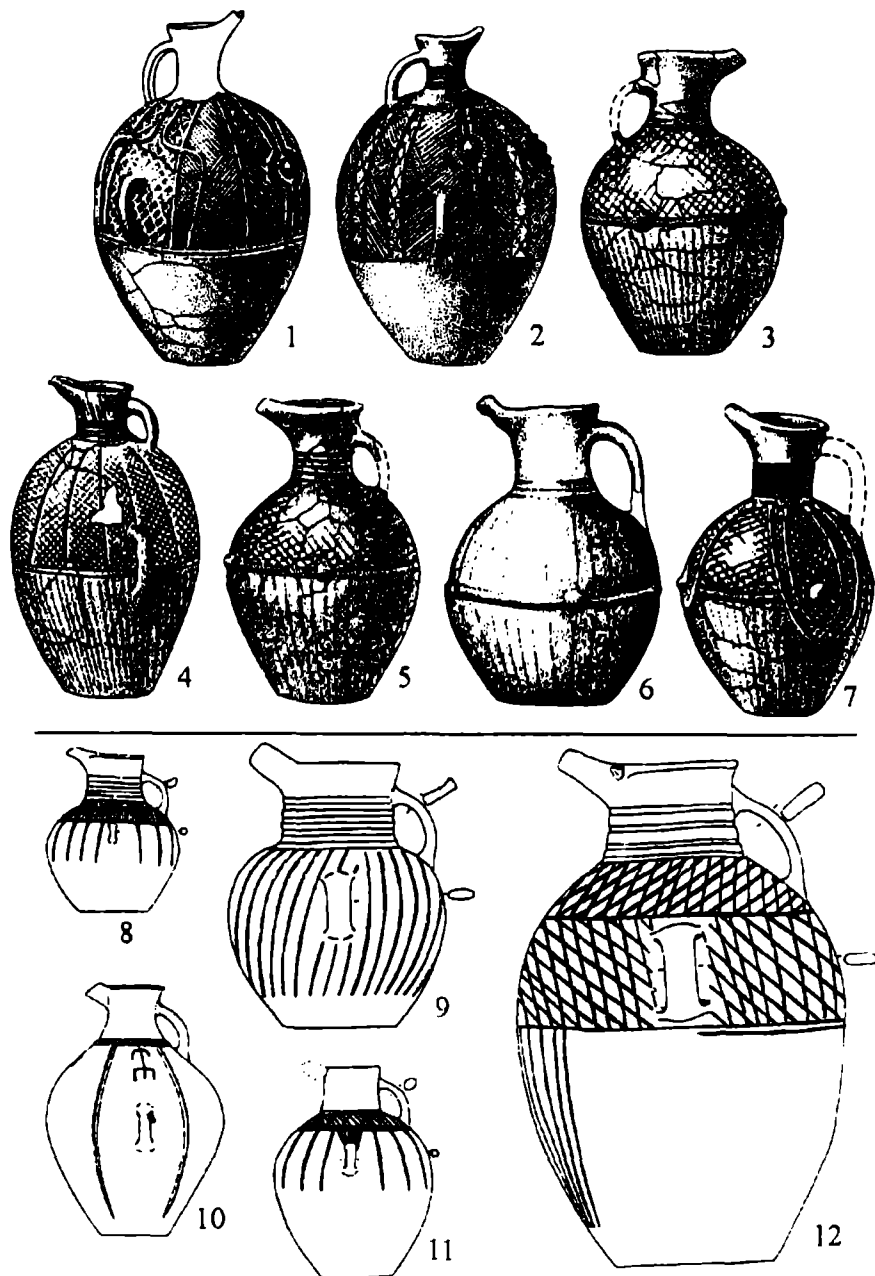

Рис. 4. Аланская керамика из Канцирки (1-7) и аналогии из Мокрой Балки (8-12), 1-7 по Смиленко, 8-10 по Малашев 2001

В дополнении к вышесказанному напомним, что владелец сокровищ использовал золотые монеты в качестве сырья для изготовления украшений. Двадцать шесть легких солидов 637/638 и 642–646 гг. были соединены в ожерелье, а на их лицевую сторону напаяли цилиндрические гнезда для вставок. Из тридцати легких и трех полновесных солидов (602–610 и 629–632 гг.) сделали нашивки на одежду, пробив по два дырки (Залесская и др., 1997, кат. 39,63–65). Некоторые византийские вещи из состава комплекса сделаны уже после поступления монет к его владельцу – не ранее второй половины VII в. Например, большая золотая византийская пряжка с щитками с дисковидной тыльной частью датируется по аналогиям второй половине VII в. из Византии, Юго-Западного Крыма (Айбабин, 1990, 47; рис. 44,8,10) и из визиготской Испании (Ripoll-Lopez, 1998, p. 56,58,59, fig. 4,B,E; 27,111-114; 28,2). К тому же периоду относятся византийские золотые литые обувные пряжка и обоймица (рис. 2,10,11) (Айбабин 1990, 42; рис. 2, 149; 49,1), золотая пряжка с U-образным щитком (рис. 2,5) (Залесская и др., 1997, кат. 101), подобная происходящим из Юго-Западного Крыма из захоронения второй половины VII в., зачищенного в склепе 257 на склоне крепости Эски-Кермен (рис. 2,6) (Айбабин, Хайрединова, 2008, 59,61; рис. 29,3,4), а также с территории Самарской Луки (рис. 2,7) (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, 88,92,161,162; рис. 14,6; 44,12). Во второй половине VII в. изготовлена и серебряная пряжка с прямоугольными рамкой и щитком (рис. 2,9) (Айбабин, 1990, 49, рис. 2, 177; 46,23. Залесская и др., 1997, кат. 123). Золотая серьга с бусиной из сапфира (рис. 2,8) однотипна найденным в погребениях конца VII – VIII в. в Юго-Западном Крыму (Айбабин, 1982, 178; рис. 5,10,16).

Вероятно, в составе комплекса самыми поздними являются некоторые тюркские вещи. Аналогии золотому украшенному зернью колесу (Залесская и др., 1997, кат. 43) известны только в комплексах аналогичных по набору вещей перещепинскому: Макуховка и погребение первой половины VIII в. из Ясиново (Айбабин, 1985, 195; рис. 2, 6,7). Железный меч со съемным перекрестием с инкрустацией золотом (рис. 2,1) сделан варварским мастером (Залесская и др. 1997, 172-174, кат. 55). Техника инкрустации золотом по железу с середины I тысячелетия применялась на Алтае (Киселев, 1951, с. 519-525). В Поднепровье так декорированы только стремяна первой половины VIII в. из Вознесенки (Гринченко, 1950, 57; табл. VI,9). По

форме ромбической крестовины меч подобен мечам из Вознесенки (рис. 2,2,3) (Амброз, 1986, рис. 5, 3. Комар, 2006, рис. 20,2-4) и мечу из Гладос (рис. 2,4) (Сміленко, 1965, табл. VI,2. Амброз, 1986, рис. 4, 3,10). Мечи с похожей крестовиной изображены в росписях третьей четверти VII в. в Афрасиабе и в Пенджикенте (Беленицкий, 1973, рис. 20. Залеская и др., 1997, с. 174). Как справедливо заметили Б.И. Маршак и З.А. Львова, золотые кувшин (рис. 3,1) (Залеская и др., 1997, кат. 69) и облицовка деревянного кувшина (рис. 3,8) (Залеская и др., 1997, кат. 70), а так же два серебряных кувшина (рис. 3,2,3) (Залеская и др., 1997, кат. 71) по форме, технологии изготовления и декору близки тюркским и согдийским (Залеская и др., 1997, с. 81), но отличаются от византийских и аварских (Tóth, Horváth 1992, Abb. 69). На территории Южной Сибири и в Туве однотипные деревянные и серебряные кувшины встречены в захоронениях тюрков конца VII–X вв. (Вайнштейн, 1966, с. 334; табл. I, 1; V, 1. Кубарев, 1979, 159,160; рис. 8), а изображения похожих сосудов имеются на одновременных тюркских каменных изваяниях из тех же регионов (рис. 3, 4,5) (Грач 1961,66-67; табл. II, 1,2,6,13,19,37. Кызласов, 1979, рис. 90. Могильников, 1981, рис. 22, 9,12; 23, 9,10,17,19,25).

Хронология поздних вещей позволяет предположить, что перецепинские сокровища собирали по крайней мере трое: вначале Куврат, после его смерти – наследник (быть может Аспарух), а последним владельцем был какой-то знатный тюрк, умерший в начале VIII в.

З.А.Львова считает прямоугольные пластины из шестой группы облицовкой деревянного погребального сооружения, подобного найденным в Венгрии в Кунбабони и в Szeged Fehertow в могиле 82 с монетой 674–681 гг. (Tóth, Horváth 1992, 23, 72–85, Abb. 23-29. Залеская и др., 1997, 221-224, кат.99). Однако, в Перецепине не нашли никаких костей. Быть может, комплекс находился в тайнике поминального памятника.

В Гладоссах (рис. 1,21) на склоне берега реки Сухой Ташлык на участке между двумя оврагами, огражденном рвом, нашли яму диаметром 1 м и глубиной 0,7 м. В ней, по словам находчиков, лежали две кучки пережеванных костей. Над одной были сложены детали сбруи двух коней (двое удила, три стремени, золотые сбруйные бляхи), а рядом с другой — золотые серьги, три ожерелья с византийскими медальонами, браслеты, перстни, меч и

кинжал с золотыми ножами, копье, обломки четырех серебряных сасанидских сосудов. Среди костей определены кости черепа и ребра мужчины зрелого возраста со следами рубящих ударов и овечьи. По стрелам, деталям ножен и сбруйным бляхам сооружение датировано рубежом VII–VIII вв. (Сміленко, 1965. Амброз, 1973, с. 88, 90. Амброз, 1981, с. 22, рис. 4а; 5; 7; 8. Амброз, 1986, с. 61). Оно по конструкции и обряду захоронения аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культовым комплексам тюрков-туго (Амброз, 1982, с. 217–218). Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями. Остатки кострища собирали и зарывали в могилу, вокруг которой сооружали культовую ограду. В результате контактов с соседями рядовые тюрки перестали кремить покойников. Однако, зная по старому обряду и в первой половине VII в. В 634 г. кремивали последнего кагана Тюркского каганата Хели, а в 639 г. — его племянника Хэлочу (Бичурин, 1950, с. 230, 277; Liu-Mau-Tsai, 1958, S. 9, 42; Могильников, 1981, с. 31).

В конце днепровских порогов близ с. Вознесенка (рис. 1,30) на левом высоком берегу, на плато, окруженном с трех сторон балками и обрывистым берегом реки, раскопан участок размером 62х31 м, окруженный валом, насыпанным из земли перемешанной с камнями. На огражденной территории в восточной части зачищено каменное кольцо площадью 29 кв. м. На его северной границе выявлена яма 0,55х0,40 м, глубиной до 1 м. В ней найдены четыре слоя побывавших в огне вещей: в первом сверху — 58 железных стремян и обрывки кольчуги, во втором — железные 40 удил и 139 пряжек, гвозди, ножи, 7 наконечников стрел, в третьем — золотые и серебряные обломки ножен 3 палашей, портупейные бляшки и застежки, более 1400 бронзовых позолоченных украшений сбруйных ремней, обломки византийских серебряных сосудов, в том числе блюда с изображением собаки, две отлитые из серебра фигурки льва и навершие византийского военного штандарта в виде орла с лапами, обвитыми змеей. Сверху в вещи воткнули три палаша. Западнее расчищена другая яма (1,25х1 м, глубиной до 1,63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней, перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожженной глины. На земле вокруг ямы лежали зубы и обломки костей более 800 коней, фрагменты амфор и кувшинов (Грінченко, 1950, с. 37-63; Мацулевич, 1940, рис. 1.

Амброз, 1981, с. 19,20). Контрольные клейма на фигурке орла типичны для времени Константа II (641–668) или Константина IV (668–685) (Cruikshank-Dodd, 1961, p. 260, № 95). На груди птицы вырезана крестовидная монограмма имени Петра в генетиве, то есть Петра — командира византийского военного подразделения (Мацулевич, 1959, с. 202, 203, рис. 1–3). По ступеням, сбруйным бляхам и пряжкам описанное сооружение отнесено к первой половине VIII в. А.К.Амброз аргументировано атрибутировал его как кочевнический поминальный храм (Амброз 1982, 206–213; рис.1). Подобный огражденный ровом и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица в Тюркском каганате Кюль-Тегина. Его площадь 1922 кв. м — всего на 12 кв. м. меньше Вознесенского. В каркасном павильоне находились три обмазанные глиной ямы для жертвоприношений, а к западу от павильона — стоящий на остатках кострища большой каменный жертвенник с отверстием. Круглое каркасное сооружение прослежено и на поминальном памятнике в Сарыг-Булуне в Туве (Амброз, 1981, с. 20; Jisl, 1960, s. 92, 94-96, 105-113, obr. 42).

В Днепровской степи на склонах глубоких оврагов в Тарановом Яру и Канцирке открыты крупные гончарные мастерские. В первой мастерской раскопана одна обжигательная печь (Макаренко, 1911, с. 116–118), а во второй исследованы 20 обжигательных печей, 6 жилых и производственных помещений и 5 хозяйственных построек. В обеих мастерских из серой глины делали одноручные и трехручные кувшины с вытянутым сливом и двуручные сосуды с коротким горлом с поверхностью, покрытой лощением и резными линиями и рельефными валиками и шишечками (рис. 4,1–7) (Smilenko 1990, Taf. 1-2). По форме и декору данные сосуды аналогичны аланским северо-кавказским конца VII–IX вв. (рис. 4,8–12) (Малашев 2001, рис. 1, 7; 5, 8; 7, 1; 11, 7; 21, 1,9; 27, 18; 28, 1; 52). Вполне очевидно, что обе мастерские создали гончары, переселившиеся с Северного Кавказа (Артамонов, 1970а, с.17,18; Смiленко, 1975, с. 154,155, рис. 56,1,3,6. Айбабин, 1999, с. 183). Другой вид продукции канцирских гончаров — темно-серые лощеные кувшины с отогнутым венчиком, округлым туловом с процарапанными вертикальными полосами, овальной ручкой и плоским дном — не типичен для аланской керамики (Smilenko, 1990, Taf. 4, 10-11). По форме они близки серебряному кувшину из погребения, раскопанного в горах Алтая (Кубарев, 1979, 159,160; рис. 8), сосудам, изображенным на тюркских изваяниях

конца VII–VIII в. из Сибири (Могильников 1981, рис. 22, 9; 23, 9) и золотой обкладке деревянного сосуда из состав перещепинского комплекса (Айбабин, 1985, с. 196, рис. 6,2; Залесская и др., 1997, кат. 70). Произведенная в Канцирке и Тарановом Яру аланская и тюркская керамика найдена в погребениях в Келегеях, Ясиново и на территории поминального комплекса в Вознесенке (Сміленко, 1975, с. 155. Айбабин, 1985, с. 202, рис. 1,3; 7; Айбабин, 1999, 183). В более поздний период в Канцирке изготавливали и обычные для салтовской культуры горшки с резным волнистым и линейным орнаментом (Сміленко, 1975, рис. 56,11).

Рассмотренные выше труположения и кремации с конями, поминальные комплексы являются компонентами одной археологической культуры, связанной с этнически однородными кочевниками тюрками. Их погребения появились в последней трети VII в. в степях Северного Причерноморья и Приазовья. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены как рядовые воины, так и тюркская знать. Памятники тюркской археологической культуры нельзя приписывать прабулгарам Куврата. Как отмечалось выше, вскоре после смерти Кубрата, владения его сыновей до 665 г. захватили хазары и изгнали племена Аспаруха за Дунай. Хазары вытеснили с северопричерноморских и приазовских пастбищ и племена Батбаяна, которые вынуждены были откочевать на незаселенные территории в Восточного, Центрального и Северо-Западного Крыма (Айбабин, 1999, с. 190). По словам Никифора, преследуя болгар хазары напали на "...все селения за Понтом Эвксинским", то есть на города и поселения на обоих берегах Боспорского пролива, "...и достигли моря" (Чичуров, 1980, с. 154/162). О дате события позволяет судить анализ стратиграфии средневековых слоев, зафиксированной мною в портовом районе г. Боспора. Выявленный на территории приморской части г. Боспора мощный слой пожара с монетой 654–659 гг. дает *terminus post quem* для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье (Айбабин, 2000, 166–174; Aibabin 2006, 32–47,60).

Несомненно, именно хазарам и принадлежала перещепинская культура, образовавшаяся в начальный период становления Хазарского каганата. Только хазарский каган мог переселить в конце VII в. с Северного Кавказа в степи Поднепровья артели аланских гончаров, снабжавших своей продукцией хазар. Вероятно, в

последней трети VII – первые десятилетия VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культурные комплексы кремнированных правителей каганата.

Литература

Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. №3, 191-205.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Симферополь–Керчь, 2008.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть II // СА. 1971. №3, 106–134.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. 1973. №4.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. №4.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М.И. Славяне и болгары в Поднепровье // *Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie*. Berlin, 1970. B. I.

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // *Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* Самара, 1996, 208-264.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара 1998.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента: живопись, скульптура. Москва 1973.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М., 1950.

Божилев И., Димитров Х. Протобулгарика (заметки по истории протоболгар до середины IX в) // *Byzantinbulgarica* 1995, 9.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. Л., 1966, 292–347.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л., 1965.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва, 1996.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. Москва 1961.

Грінченко В.А. Пам'ятка VIII ст. коло Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. III.

Деревянко Е.И. Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Залеская В.Н., Львова Э.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Киселев С.В. Древняя история южной Сибири. М., 1951.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк 2006, Том 5. – С. 7-244.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С., Погребения кочевников VI – VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк 2006, Том 5. с. 245-374.

Кондаков Н.П. Русские клады. Том. I. СПб., 1896.

Круглов Е.В. Хазары – поиск истины // Хазары, Иерусалим – Москва 2005, 427-457.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградах Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск 1979, 126-160.

Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 гг. // ИАК. СПб., 1911. Вып.43, 116–118.

Макаренко Н.Е. Перещепинский клад // ИАК. СПб., 1912. Вып.46, прибавление.

- Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Маршак Б.И., Скалон К.М. Перещепинский клад. Л., 1972.
- Мацулевич Л. А. Византийский антик в Прикамье // МИА. 1940. №1.
- Мацулевич Л. А. Войсковой знак V в. // ВВ. 1959. Том XVI.
- Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883. Март.
- Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Сміленко А.Т. Гладоські скарби. Київ, 1965.
- Соколова И.В. Монеты Перещепинского клада // ВВ. 1993. Том 54.
- Спришевский В.И. Погребение с конём середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды музея истории народов Узбекистана. Ташкент, 1951. Вып.1.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
- Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Новосибирск, 1980.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001, VIII.
- Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.
- Cruikshank-Dodd E. Byzantine silver stamps. Washington, 1961.
- Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, 1992.
- Jisl L. Vyzkum Kulte ginova památniku v Mongolske Lidove Republice // Archeol. rozhl. Praga, 1960. R.XII. 1.
- Liu-Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I-II. Wiesbaden, 1958.
- Ripoll-Lopez G. Toréutica de la Bética (siglos VI y VII d.c.), Barcelona, 1998.
- Smilenko A.T. Die Keramik der Töpferwerkstätten von Balka Kancerka im Dneprgebiet // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990.

Tóth E.H., Horváth A. Kunbábony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemét, 1992.

Werner J. Der Grabfund von Malaia Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.

Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Wien, 1989.

Werner J. Neues zu Kuvrat und Malaia Pereščepina // Germania. 1992. 70. H.2.

Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // Revue des études Byzantines. Paris, 1995. Tom 53.

О.І. Айбабін

Ранні хозарські археологічні пам'ятники в Північному Причорномор'ї Резюме

Розглянуті вище поховання з конями і поминальними комплексами є компонентами однієї археологічної культури, пов'язаної з етнічно однорідними кочівниками-тюрками. Їхні поховання з'явилися в останній третині VII ст. у степах Північного Причорномор'я/Приазов'я. Інвентармогилкрасномовно характеризує соціальний стан похованих. У могилах поховані як рядові воїни, так і тюркська знать. Пам'ятники тюркської археологічної культури не можна приписувати прабулгарам Куврата. Як відзначалося вище, незабаром після смерті Кубрата, володіння його синів до 665 р. захопили хозари і вигнали племена Аспаруха за Дунай. Хозари витиснули із північнопричорноморських і приазовських пасовищ і племена Батбаяна, які змушені були відкочувати на незаселені території в Східному, Центральному і Північно-Західному Криму (Айбабін, 1999, с. 190). За словами Никифора, переслідуючи болгар хозари напали на "...усі селища за Понтом Євксинським", тобто на міста і поселення на обох берегах Боспорської протоки, "...і досягли моря" (Чичуров, 1980, с. 154/162). Про дату події дозволяє судити аналіз стратиграфії середньовічних шарів, зафіксованих мною в портовому районі м. Боспора. Виявлений на території приморської частини м. Боспора значний шар пожежі з монетою 654—659 рр. дає *terminus post quem* для дати вторгнення хозар у Північне Причорномор'я (Айбабін 2000, с. 166—174; Айбабін 2006, р. 32—47, 60).

Безсумнівно, саме хозарам і належала перещепинська культура, що утворилася в початковий період становлення Хозарського каганату. Тільки хозарський каган міг переселити наприкінці VII ст. з Північного Кавказу у степи Подніпров'я артілі аланських гончарів, які постачали свою продукцію хозарам. Імовірно, в останній третині VII — перші десятиліття VIII ст. хозари ховали у степах Подніпров'я своїх каганів. У цей період саме там вони створили поховально-культурні комплекси кремованих правителів Каганату.

А.И. Айбабин

Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье Резюме

Рассмотренные выше погребения с конями и поминальные комплексы являются компонентами одной археологической культуры, связанной с этнически однородными кочевниками тюрками. Их захоронения появились в последней трети VII в. в степях Северного Причерноморья и Приазовья. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены как рядовые воины, так и тюркская знать. Памятники тюркской археологической культуры нельзя приписывать прабулгарам Куврата. Как отмечалось выше, вскоре после смерти Кубрата, владения его сыновей до 665 г. захватили хазары и изгнали племена Аспаруха за Дунай. Хазары вытеснили с северопричерноморских и приазовских пастбищ и племена Батбаяна, которые вынуждены были откочевать на незаселенные территории Восточного, Центрального и Северо-Западного Крыма (Айбабин, 1999, с. 190). По словам Никифора, преследуя болгар хазары напали на "...все селения за Понтом Эвксинским", то есть на города и поселения на обоих берегах Боспорского пролива, "...и достигли моря" (Чичуров, 1980, с. 154/162). О дате события позволяет судить анализ стратиграфии средневековых слоев, зафиксированной мною в портовом районе г. Боспора. Выявленный на территории приморской части г. Боспора мощный слой пожара с монетой 654-659 гг. дает *terminus post quem* для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье (Айбабин, 2000, 166–174; Айбабин 2006, 32–47, 60).

Несомненно, именно хазарам и принадлежала перещепинская культура, образовавшаяся в начальный период становления Хазарского каганата. Только хазарский каган мог переселить в конце VII в. с Северного Кавказа в степи Поднепровья артели аланских гончаров, снабжавших своей продукцией хазар. Вероятно, в последней трети VII – первые десятилетия VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культурные комплексы кремнированных правителей каганата.

A. I. AIBABIN

Early Khazar archaeological monuments to the north of the Black Sea

Summary

The burials and the cremations with horses as well as the commemorative assemblages presented above compose a single archaeological culture of ethnically homogenous Turkic nomads. Their burials appear in the steppes to the north of the Black Sea and on the Sea of Azov in the last third of the 7th century. The funeral gear expresses the social position of the people buried, ordinary warriors and nobility. Monuments of the Turkic archaeological culture cannot be attributed to the Bulgars of Kuvrat and his sons, whose possessions, as noted above, were seized by the Khazars. A powerful fire layer with a coin of 654-659 revealed in the seaside part of the city of Bosphoros gives the terminus post quem for the Khazar invasion of the Pontic region. Before 665, Asparuh's horde flew beyond the Danube. Also Batbajan' horde was chased to the unpopulated areas of Eastern, Central and North-Western Crimea (AIBABIN 1999, 190). Pereščepina culture belonged to the Khazars in the period of creation of the Khazar Kaghanate. Only the Khazar Kaghan could move from Northern Caucasus to the Dnieper the teams of Alanic potters who supplied their production to the Khazars in the late 7th century. In the last third of the 7th and in the first decades of the 8th centuries, the Khazars probably buried their kaghans in the Dnieper steppe. The funeral and cult assemblages of the cremated rulers of the Kaghanate were created there in this period.